

10. Richardson S. Pamela; or Virtue Rewarded. – L. : Penguin Books, 1985. – 539 p.
 11. Richetti J. Popular Fiction before Richardson. Narrative Patterns 1700–1739 / J. Richetti. – L. : Clarendon Press, 1992. – 304 p.
 12. Womick S. Fashioning Fемinities: Sartorial Literacy in English Domestic Fiction, 1740–1853 / S. Womick: PhD Dissertation. – University of North Carolina, 2011. – P. 1–50.

Надійшла до редколегії 06.02.2015 р.

УДК 821.111-311.3.09

И. В. Русских

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

**ХАРАКТЕР ГЕРОЯ И ОПЫТ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЕВРОПЕ
 В РОМАНЕ Т. СМОЛЛЕТТА «ПЕРЕГРИН ПИКЛЬ»**

Розглянуто динаміку історико-літературного сприйняття роману Т. Дж. Смоллетта «Пригоди Перегріна Пікля» в академічній традиції XIX–XX ст. Представлено особливості характеру героя, його шлях, який зовсім не повторює повний мінливостей і пригод життя Родріка Рендома. В романі, де висвітлено досвід Гранд-тур Перегріна Пікля як завершуючий етап у розбещенні, а не в навчанні й вихованні протагоніста, очевидним є інтерес Смоллетта до образотворчого мистецтва, непряма рефлексія, що передує його «Подорожі по Франції й Італії».

Ключові слова: авантюра, Гранд-тур, соціальні ролі й маски, духовне перетворення героя.

Рассмотрена динамика историко-литературного восприятия романа Т. Дж. Смоллетта «Приключения Перегрин Пикля» в академической традиции XIX–XX ст. Представлены особенности характера героя, его сложная история пути, которая отнюдь не повторяет полное превратностей и приключений жизнеописание Родрика Рэндома. В романе, где освещается опыт Гранд-тур Перегрин Пикля как завершающий этап в развращении, а не в образовании и воспитании протагониста, очевиден интерес Смоллетта к изящным искусствам, косвенная рефлексия, предваряющая его «Путешествие по Франции и Италии».

Ключевые слова: авантюра, Гранд-тур, социальные роли и маски, духовное преображение героя.

The article investigates the dynamics of the literary-historical perception of T. Smollett's novel 'The Adventures of Peregrine Pickle' in the academic tradition of the XIX–XX centuries. The novel proved to be the work that gave the public much to talk about due to satirical portraits of contemporaries and the interpolation of the Memoirs of a Lady of Quality.

The features of the hero's character are presented as well as his way of life, not an easy one, which however does not repeat Roderick Random's biography, full of hardships in alien and hostile England. Pickle's adventures take him to the continent, the Netherlands and France where he follows the progress of the false enthusiast, Pallet. There is Smollett's interest in fine arts, indirect reflection anticipating his 'Travels through France and Italy' in the novel where Peregrine Pickle's Grand Tour is given special attention. Grand Tour is regarded as a final stage not in protagonist's education and training but in his moral turpitude.

Keywords: adventure, Grand Tour, social roles and masques, spiritual transformation of the hero.

«Приключения Перигрина Пикля» ('The Adventures of Peregrine Pickle', 1751), появившись вслед за «Родриком Рэндомом», стануть не просто еще одним опытом Смоллетта в создании большой эпической формы, но и «обозначат кульминационный момент в его литературной деятельности» (Дж. Карл, 1945). Смоллетт предложит нетерпеливой публике сложное произведение, где он и следует, и наследует, и варьирует открытую им модель романа-жизнеописания. Если выбранная им схема сыграет с критиками злую шутку, заставит их видеть в «Перегрине Пикле» не новизну версий и решений, а «повторение успешной формулы первого текста» [10, р. 6], «расширение и усиление уже использованных материалов и методов» [11, р. 318], где есть «похожие герои, практические шутки, итоговое обретение состояния и продолжение в счастливом браке» [15, р. 62], то для читателей, жаждавших еще одной занятой истории [5, р. 7], роман также станет неожиданностью: многие из них «окажутся абсолютно неготовыми к тому, что припас для них «автор «Родрика Рэндома» [7, р. 15].

Восприятие «Перегрина Пикля», завоевавшего «быстрый и сенсационный» успех [9, р. 67], будет «неоднозначным» и «противоречивым» [10, р. 8]. Одни считают его «никудышным» (Мэри Делани) и «плохим» (С. Ричардсон), другие высоко оценят занимательность смоллеттовского текста [5, р. 7], «правдивую картину нравов XVIII столетия» (Мэтью Мэти), выделив «Перегрина Пикля» из большого потока романов, рассказов, романических историй...» (Джон Клиланд) [10, р. 9]. «Перегрин Пикль» предоставит широкие возможности для разговоров» [7, р. 16]. Скандальную окраску роман приобретет из-за включенных Смоллеттом сенсационных событий эпохи (нашумевшего судебного процесса «Энсли – Энгльси»), его намеренных выпадов в адрес своих современников: Г. Филдинга¹, Дж. Литтльтона, Д. Гаррика и Дж. Куина, что послужит поводом для обвинения Смоллетта в злопамятности и аморальности². Недоброжелатели представят Смоллетта «злым мизантропом» (А. Ингер, 1972), «не прощающим обид не только действительных, но и мнимых» (Е. Ланн, 1955), упрекнул автора в бестактности, заметив, что «пока он ... не научится отличать сатиру от непристойности, суду не следует разрешать ему печататься снова» [4, с. 184; 5, р. 10]. Однако наибольший интерес к книге будет вызван помещенными в нее анонимными мемуарами ('Memoirs of a Lady of Quality'). Они не только станут причиной «мгновенного» успеха «Перегрина Пикля», «удачным ходом знатока рынка» [12], усложнят восприятие романа [10, р. 6, 8] спорами об авторстве, приписываемого знатной даме леди Вейн, прославившейся своими любовными похождениями [4, с. 183], но и практически «монополизируют внимание публики» [5, р. 6], оказавшись едва ли не «единственной частью романа, которую читали» (Джолиат) [10, р. 9]. По мне-

¹ Г. Филдинг, по мнению Смоллетта, похитил двух героев из «Родрика Рэндома» (Родрика и Стрэпа), изобразив в своих романах – «Томе Джонсе» (1749) и «Амелии» (1751). Джордж Литтльтон, преуспевающий парламентарий, известный поэт и эссеист, имевший крупные связи в лондонских литературных и театральных кругах и покровительствовавший Филдингу, отказав Смоллетту в патронаже, критически отнесся к его трагедии «Царевубийство» (1739). Дэвид Гаррик и Джеймс Куин, два крупнейших актера Ковент-Гарденского театра также были повинны в том, что пьеса «так и не увидела сцены», они отвергли ее, отрицательно высказавшись в адрес начинающего девятнадцатилетнего драматурга. В первом издании «Перегрина Пикля» Смоллетт выведет Филдинга в нелестном образе мистера Спонди (Mr. Spondy), а его покровителя Литтльтона (Gosling Scrag, Esq.) сатирически изобразит наследником 'of Sir Marmaduke Scrag, который «сидит в кресле судьи и выносит приговор писателям столетия» (Х.С. Бак, 1925).

² В литературной газете 'The Inspector' (1751–1753) Джон Хилл, известный ботаник, врач, писатель, активный участник «битвы книг», высмеял Смоллетта, назвав его автором с «умом простака и дитя» ('Smallhead', 'Smallwit') [5, р. 10].

нию Ф. Беге, «лишь после того, как мемуары были забыты, «Перегрин Пикль» стал притягивать внимание своими достоинствами» [5, р. 13]. В романе, работать над которым Смоллетт начал еще до своего отъезда в Париж [11, р. 116], исследователи увидят произведение не только с новой повествовательной техникой от третьего лица, использованной писателем затем в «Фердинанде Фатоме» (1753) и «Ланселоте Гривзе» (1762), но и более широкое сочинение³ [15, р. 65], существующее в нескольких редакциях, «роман с ключом», откликающийся на яркие события эпохи [12]. Интерпретация «Перегрин Пикля» как «моральной истории протагониста, представленной в серии эпизодов», позволит им говорить о нем как о хогартианском панорамном романе [8, р. 116–117]. Они сблизят «Историю распутника» Хогарта (1734–1735) с похождениями смоллеттовского повесы, ведомого тщеславием героя-щеголя, наблюдающего мир, идущего по светлой стороне удовольствий жизни, но попадающего на черную полосу.

Несмотря на внешнее подобие первого и второго романов Смоллетта, которые часто сводят к формуле, действительно важной для их создателя, различия между текстами станут явными, когда речь идет о типах заглавных персонажей и тех испытаниях, с которыми они сталкиваются. Если в Родрике Рэндоме представлена история пути шотландца во враждебной ему Англии, героя, «отправляющегося в путешествие» и вступающего в битву с миром, то в «Перегрине Пикле» Смоллетт тщательно выписывает «типичного англичанина», «более грубого и несносного» [15, р. 62], «зрелого в своем мошенничестве и жестокости» [11, р. 318], которого называют «пикаро высшего света» [15, р. 62], вступающего в поединок с обществом. Для Смоллетта важна связь между произведениями, не случайно он включает в «Перегрин Пикля» (XXXVIII главу) персонажей своего предыдущего романа (аптекаря Моргана), что, как пронизательно заметит П.-Г. Бусе, «напоминает начало «человеческой комедии», в которой, как у Бальзака, герои продолжают проживать жизнь на страницах нескольких работ» [6, р. 143].

Как и Родрик, Перегрин «наделен сильными противоборствующими страстями (социальными и антисоциальными чувствами)» [9, р. 59], но он «уже не испытывающий нужду странник, очутившийся на недружелюбной земле», а «свободный молодой человек», более проказливый, «направляющий свои умения и силы против взрослых и их самодовольства» (У. Б. Пайпер, 1963). И хотя его жизненные перипетии напоминают путь Родрика, у него иной опыт, другие обстоятельства рождения, которые тщательно выписаны вместе с предысторией его родителей (главы I–VI), настолько объемной и подробной, что станет, как считают исследователи, объектом пародии в «Тристраме Шенди» Стерна [15, р. 63]. Смоллетту, описывающему разрыв связей между людьми, важно увидеть разные типы семьи, что у него затем унаследует Диккенс, «неестественность поведения семьи» [15, р. 64], «психологическую родословную» [6, р. 126], где утрачены узы, нет родительской любви и заботы, где «жены доминируют над мужьями» [9, р. 64], ту человеческую среду, где, после долгого ожидания, Перегрин, появившийся на свет, будет расти, окруженный простаком-отцом, равнодушным к судьбе сына, и отнюдь не идеальной матерью, чьи странные эксперименты с ежедневным погружением ребенка в ледяную воду [3, с. 42] не столько закаляют, сколько «усиливают его непокорный и необузданный нрав» [6, р. 126]. У Перегрин Пикля, в отличие от Родрика Рэндоме, есть семья, но она как пасынка выталкивает героя [3, с. 72]. И хотя жизнь повернется к нему спасительной стороной, «благодаря любви и щедрости» крестного, коммодора Траньона, принявшего его «как родного

³ Так, если «Родрик Рэндом» насчитывал 220 тыс. слов, то «Перегрин Пикль» – 330 тыс. слов [11, р. 116]. Количество персонажей во втором романе достигает 226, в то время как в «Родрике Рэндоме» намного меньше – 126 (Дж. С. Руссе, 1994).

сына», десятилетний Перегрин восполнит отсутствие родительской привязанности, все же, будучи увечен из-за «необъяснимой», «непонятной ненависти» к нему миссис Пикль, предпочитающей ребенка больного, убогого не только физически, но и душевно (Гемизля), протагонист получит определенную дозу яда и по мере взросления будет требовать у общества компенсации за собственное сиротство, болезненно воспринимая «положение сироты», полагая, что отец его «обязан содержать благодаря узам природы, равно как и по законам страны» [3, с. 85, 134].

По мнению М. Голдберга, смоллеттовский герой с самого начала сталкивается с духовно раздвоенным универсумом, что способствует внутреннему противостоянию страстей: он сменяет дом злобных родителей, от него отказавшихся, на крепость великодушного дяди, благодаря которому попадает в довольство настолько, что, его «финансовые возможности оказываются намного большими, нежели у Родрика Рэндома» [6, р. 125]; его проказы перемежаются с нравственным обучением, а сам Пикль мечется между педантами-тьюторами и нежной Эмилией [9, р. 64, 67]. Это весьма сложная, противоречивая натура, наделенная «добротой и великодушием», «безграничной щедростью» и состраданием и в то же время – «злонамеренной и плодovitой фантазией», «гордым сердцем», самоуверенностью, жестокостью, большой долей легкомысленности и праздности, которые, несмотря на то, что в Перегрине есть благородные порывы, разовьются до крайних форм [3, с. 69, 93, 180, 87, 92, 116]. В протагонисте много тщеславия, управляющего его страстями, он не щадит людей, находящихся с ним рядом, досажая им своими «злосчастными фокусами» – «совершает несколько шаловливых проделок с теткой», пугает Траньона привидением, выдумывает авантюру с «подложным рекомендательным письмом» [3, с. 66, 72, 78, 80], оправдывая собственный язвительный нрав. Перегрин Пикль далеко не идеален, в нем объединяется многое: «героическое и антигероическое, ангельское и дьявольское» (С. Оти, 1975), «положительные и отрицательные качества смешиваются до такой степени, что трудно определить, какое начало оказывается ведущим» [4, с. 180] в «неоднозначной, сомнительной битве сил добра и зла» [6, р. 127].

По сравнению с Родриком, Перегрин, будучи жертвой различных методов воспитания, получит «более сложное», «типично английское» образование [15, р. 64]. В четырехлетнем возрасте его отправляют в школу по соседству, где он безнаказанно предается забавам, преуспевает под розгой «беспощадного гувернера», в сем лет – в пансион неподалеку от Лондона, где, благодаря усилиям педагога Дженингса, из упрямого, неспособного ученика превращается в юношу, «вырвавшего у своих соперников пальму первенства в науке», добившегося «лавров и на войне» [3, с. 66, 69]. В 13 лет он едет учиться в винчестерскую школу, где, несмотря на свои дарования, не избежит публичного наказания поркой, испытает юношескую влюбленность, познакомившись на балу с Эмилией Гантлиг, совершит побег из колледжа [3, с. 92, 99]. Дерзкие выходки семнадцатилетнего Перегрин продолжатся и в университете Оксфорда, который Смоллетт выпишет не как пространство, приобщающее студентов к нравственным ценностям и знаниям, а скорее, как среду, где царит распущенность нравов, «явное нарушение правил», «презрительное высокомерие» и педантизм тьюторов [3, с. 114–115]. Университет предоставит Перегрину свободу выбора не столько образовательного маршрута, сколько пути «буйных сумасбродств юности». «Светлые периоды» учений будут чередоваться с новыми проделками (насмешками над тьюторами и членами клуба политиков, любовными интригами, проказами и ночными увеселеньями, нарушениями правил дисциплины колледжа) (глава XXI), а сам Пикль станет «единственным юношей», общающимся «как с самыми легкомысленными, так и самыми серьезными студентами университета» [3, с. 116].

Перегрин «проявляет себя медленнее, но не менее блестяще, чем Родрик» [15, р. 64], он весьма творческий человек, имеющий склонности к натуральной философии, живописи и музыке. Его увлечение литературой, поначалу аматорское (сочиняет «плохонькую балладу» о своем тьюторе в Оксфорде, посвящает стихи Эмили) (с.), становится затем профессией [3, с. 115, 118]. Перегрин принимают в среду литераторов: как отнюдь «незаурядный член», «первостепенный остроумец», он выносит «по всем вопросам поэзии авторитетные суждения», берется за переводы, сочиняет «песнь» в честь леди Вейн, занимается подражанием Ювеналу, пишет на ряд видных особ сатиры, одна из которых оказывается настолько популярной, что «о его произведении беседуют на всех изысканных ассамблеях» [3, с. 532–533, 546–547, 560, 573]. «Поклонник музыки», проявляющий интерес к теме искусства, он коротает свой досуг, совмещая охоту и скачки с выставками, экскурсиями, осмотром достопримечательностей, дает оценки театральным постановкам, выступает с критикой игры актеров, во время поездки на континент не единожды «обходит те места, где можно увидеть замечательные произведения искусства» [3, с. 546, 111, 116, 559, 205].

«Обладая свободой передвижения» [6, р. 115], Перегрин частенько из Оксфорда и Виндзора наезжает в Лондон, где проводит «инкогнито большую часть учебного времени» [3, с. 111]. Поскольку «приключения Перегрин проходят в более высокой социальной среде, чем у Родрика» [15, р. 63], лондонский опыт для ищущего развлечений Пикля будет иным, протагонист, чья социализация происходит безболезненно, не станет «мишенью для горожан» [15, р. 64], «жертвой случая» [13, р. 113], скорее, «состоятельное общество», где он «естественно и плавно движется» [7], окажется жертвой «лицемера и притворщика, нравственного шантажиста и виртуозного шутника», «богатуму воображению которого не хватает контроля» [13, р. 113; 9, р. 63]. Обращенность не к эстетическому и моральному, а к озорным, часто нелепым, приносящим вред шалостям как инструменту для получения удовольствий найдет отражение и в фамилии героя, определяющей его «проказливый, плутоватый» нрав [9, р. 62]. Пикль, который «плутует в шутку» [2, с. 15], «человек чувствительный, «тайно совершающий добрые поступки» (ухаживает за больным дядей, устраивает судьбу сестры, помогает Годфри с получением чина лейтенанта, оказывает помощь вдове прапорщика с двумя младенцами, его «кошелек открыт нуждающимся в тюрьме») [3, с. 372], окажется еще и «практикующим сатириком» (Т.Р. Престон, 1975), выступив «инициатором, нежели реципиентом сатиры» [15, р. 64]. Будучи типичным англичанином, он является мастером не только на выдумки, но и на насмешки, часто презрительные, что описано Смоллеттом в «Современном состоянии всех наций» как «уникальная черта англичан, имеющаяся у всех – от пэра до трубочиста» [9, р. 62].

Смоллетт дает широкий культурный срез эпохи: ученичество и безумства юности Перегрин Пикля сменяются опытом Гранд-тур, знакомством с людьми разных профессий (врачами, художниками, литераторами), через образы которых писатель представляет свою реакцию на мир литературы и искусства, демонстрируя интеллектуализм, в отсутствие которого его долгое время упрекали и лишь в XXI ст. увидели косвенную рефлексию, скрытую внутри романов Смоллетта, пронизывающий их интерес к изящным искусствам.

В попытке обуздать нрав Перегрин, которого «не в силах сдержать ни школа, ни университет, ни Англия» [13, р. 113–114], не только Граньон, неверно оценивший влияние на него Эмили и отправивший племянника, испытывающего противостояние социальных и антисоциальных страстей, в Гранд-тур (главы XXXV–LXV) с целью «завершить процесс формирования молодого джентльмена» [1], виновен в его «нравственном разрушении» [9, р. 65–66, 72], но и сам

Пикль, впитавший в себя отнюдь не лучшее из европейской культуры. Полуторогодовалое путешествие по Франции и Нидерландам (Бельгии) станет завершающим этапом не в образовании и воспитании Пикля, а в развращении персонажа, научит его, перенявшего внешние черты лоска и овладевшего «искусством светской жизни», предаваться пороку, пленяться «мнимыми ценностями» [6, р. 133], «чаще обращаться к остроумию и воображению, чем к разуму и сердцу» [9, р. 70]. Попадая в культуру наслаждения и досуга, где исповедуется опыт праздности, а не деятельности, Перегрин окажется вовлечен во множество любовных приключений, «значительно способствующих его моральному падению» [6, р. 131], одновременно будет преследовать нескольких замужних дам (миссис Хорнбек, в прошлом «торговку устрицами», и фламандку Аманду), потерпит больше неудач, чем побед, утешится в объятиях куртизанки, проучив на дуэли «французского увальня по заслугам», завоюет славу бесстрашного юноши [3, с. 193, 199]. В Пале-Рояль Пикль познакомится со своими соотечественниками – доктором и живописцем из Лондона, мистером Пелитом, коротая свой досуг с «фальшивыми энтузиастами», которые «делали вид, будто восхищаются тем, чего не знают», посетит «все королевские дворцы в пределах одного дня пути от Парижа», устроенный доктором «изысканный пир в подлинном древнеримском вкусе», куда пригласит иностранных гостей, «отменных фатов» – «французского маркиза, итальянского графа и немецкого барона», – а затем, вместе с Пелитом, переодетым в женское платье, в «испанском костюме» отправится на маскарад [3, с. 209–210, 214–215, 222]. Во всем множестве развлечений, «какими можно было насладиться», Перегрин дважды подвергнется аресту, едва не станет причиной разрыва между французским и британским правительствами и только благодаря ходатайству английского посла будет освобожден из Бастилии с непременным условием покинуть Париж «в течение трех дней» [3, с. 221, 228].

Писатель с панорамным взглядом на мир, Смоллетт и своего героя не лишит широты кругозора. Широта опыта британца, не упускающего случай «наблюдать новые типы», получившего знания об особенностях континентальных стран, «их управлении и государственном устройстве», позволит ему высказываться об экономике, политике Франции, критиковать «деспотическое правительство», нелестно отзываясь о «членах королевской фамилии», демонстрировать «негодование по поводу несправедливости и тирании», свое неприятие произвола в поведении мушкетеров и офицеров, осознавая потребительское отношение к культуре, заявлять о проблеме отсутствия вкуса, которого, по его мнению, лишены и английские «псевдо-энтузиасты», и французские знатные особы [3, с. 243, 224, 195, 241–242, 192–193, 209]. Смоллетт не случайно отправляет Перегрин в Гранд-тур вместе с наставником-франкофилом Джолтером, чьи «лестные отзывы о Франции и французах неизменно опровергаются происходящими событиями» [6, р. 130]. Образ Европы, отнюдь не идеализированной, а коммерческой, с социальными пороками, дан не столько через сопоставление нравов, сколько национальных характеров, где свойственные французам «корыстолюбие», «бойкость языка», «поверхностный ум», оказываются чуждыми Перегрину, который после близкого знакомства с обычаями страны не преминет поздравить «себя со своим правом на привилегии британского подданного» [3, с. 192–93].

30 глав, посвященных приключениям протагониста на континенте, критики (Дж. Карл, 1945) оценят и как «огромную, непрерывную сатиру на Гранд-тур», «содержащую выпады на Францию, французов, голландцев и другие национальности», и как «повторение тем, которые смешиваются, накладываются друг на друга, перестраивая, конструируя социальные и нравственные дебри жизни во всей ее всеобъемлющей сложности» [15, р. 65; 6, р. 130], и как пародию на коно-

сьеров, тщеславных потребителей культуры, против «мнимого художественного энтузиазма» которых Смоллетт «решительно протестует», предвосхищая полемическую заостренность «Путешествия по Франции и Италии» [6, р. 131], что станет предметом исследовательского внимания в XXI в.

В «Перегрине Пикле», где больше выписано пространство Европы, и который, вместе с другими смоллеттовскими текстами большой эпической формы, может служить «навигационными картами тех частей мира, куда у каждого есть шанс отправиться» (Клилэнд, 1751) [6, р. 102, 125], «космополитический герой» поменяет много городов (Дувр, Кале, Булонь, Абвиль, Амьен, Шантийи, Париж, Сены, Куртре, Аррас, Лиль, Гент, Брюссель, Антверпен, Роттердам, Гаага), покинув Англию, как и Родрик Рэндом, столкнется с «нарождающимся европейским порядком» (Дж. Ричетти, 1999). Истинный денди, Перегрин, большое внимание уделяет костюму, он «ни разу не появится вне дома», пока не будут готовы его наряды, «соответствующие французской моде» [3, с. 188]. Элегантный и безупречно одетый, он посетит «Люксембургскую галерею, Пале-Рояль, замечательные отели, церкви и прославленные места в Париже», все увеселительные места, побывает в «Сен-Клу, Марли, Версале, Трианоне, Сен-Жермене и Фонтенбло, наслаждаясь оперой, маскарадами, итальянской и французской комедией», «голландской трагедией» [3, с. 305]. Жажущий признания и блеска, Перегрин будет представлен ко двору, приобретет полезные связи в высшем свете, будет «вхож во многие из лучших домов Франции», однако, снискавший славу «среди своих соотечественников ... веселого и острого на язык», на континенте, завоюет репутацию «юноши весьма флегматического нрава» [3, с. 192–193], демонстрируя особенность национального английского характера.

Наслаждаясь жизнью, он становится еще более распущенным и циничным. Жажущий жить как представители высшего общества, Пикль воспроизводит манеры аристократа, хотя сам принадлежит к среднему классу. Изысканный, утонченно-воспитанный, он обретает социальные черты слоя, в котором живет, вкушая «плод» безнаказанности и вседозволенности, теряет здравый смысл, примеряя на себя маску неподлинной культуры. Научаясь утонченности светских манер, «французской галантности», поступив в академию с целью закончить образование [3, с. 192–193], герой ведет праздную жизнь щеголя, в которой «незаконные связи, неудавшиеся амурные дела, выходки на дороге, наполненные грубыми шутками», во многом напоминают европейский эпизод первого романа Смоллетта [15, р. 65]. Но если путь Родрика, ищущего богатства (wealth), имеет нисходяще-восходящую направленность – «W», в обретении им опыта важным оказывается цикличность, взлеты и падения, через которые он проходит, то Перегрин будет тратить свою жизнь и двигаться вниз, пока не окажется побежденным. Его широкий путь, изображенный исследователями как «V» [6], одновременно указывает на «духовные и мирские поиски» (Т.Р. Престон, 1975), постижение как порока (vice), так и добродетели (virtue).

Критики выделяют несколько этапов падения Перегрин Пикля: Гранд-тур и связанное с ним разращение чувств персонажа (главы XXXV–LXV); пребывание на английской земле после долгого отсутствия (главы LXVI–LXXXVI), когда пресыщенный протагонист, «опьяненный сознанием своих достоинств», замышляет «преступление против Эмили», терпит поражение и предается «прежним своим развлечениям» в Бате и Лондоне [3, с. 309, 320–333, 367]; а затем (главы LXXXVII–C) «движется к нищете и тюремному заключению» (Д. Герберт, 1878). «Длительное социальное и нравственное падение Перегрин Пикля и его реабилитацию» Р. Патни условно разделит на 3 стадии: «Перегрин в отчаянии», «Перегрин в тюрьме», «Перегрин ликует», обретая «признание своих качеств»

(главы CI–CV). Смоллетту важно показать, как испортится Пикль, находясь в среде, которая настолько искажает его представления о мире, что он принимает тип поведения «pickled», не имея постоянных черт, утрачивает человеческое под масками, становится субъектом разрушения. В нем возникает налет чертовщины, который, приобретая форму демонизма, затем станет природой Фердинанда Фатома.

Светский персонаж, Перегрин в большей степени, чем его предшественник, включен в социум, «человек городской, герой салонов» (Н. Славягинский, 1937), пребывающий в публичном пространстве, он посещает общественные гулянья, концерты, ассамблеи, балы, сады и парки [3, с. 90, 93, 121, 123]. Жажда сумасбродств и авантюр, которым Пикль предавался на континенте, с новой силой проснется в нем по возвращении в Лондон, где он будет «введен в beau monde», милостиво «осыпан любезностями и предложениями услуг», «исправно» станет показываться при дворе, чтобы «свидетельствовать свое почтение влиятельным особам» [3, с. 311, 490]. Смоллетт, которому важно показать мир света и его структуру, проведет своего персонажа по интеллектуальному центру столицы, через мир литераторов, критиков, художников, политиков, актеров («усердный посетитель театра»), Перегрин не раз будет рассуждать о драматическом искусстве, выступит с критикой игры актера, станет членом «Общества сочинителей», будет принят в компанию «второсортных политиков и маленьких критиков», заключит «соглашение с издателями на перевод одного произведения», через аристократическую часть Лондона: Перегрин снимет «элегантную квартиру на Пел-Мел», а затем – в Сити, арендует «роскошно и со вкусом» меблированный дом, станет завсегдатаем кофейни Уайта, театра Хаймаркет, «абонируется в оперу и на несколько концертов в различных частях города», побывает на маскараде и ньюмаркетских скачках, «во всех местах общественного увеселения», «собраниях, посвященных забавам или карточной игре» [3, 245–248, 305–306, 559–560, 547, 532, 344, 350, 520, 348, 352, 519, 490]. Получив в распоряжение состояние дяди Траньона, Пикль появится в Лондоне человеком, чьи чувства извращены и преграды в отношении морали сняты. Опыт соблазнения невинных женщин, приобретенный на континенте, не пройдет незамеченным, Пикль, изнывающий от «преступной страсти», которая «поглотила его понятие о чести», совершит неудавшуюся попытку насилия по отношению к Эмили (глава LXXVI), раздираемый противоречивыми чувствами («любовь, стыд и раскаяние состязались с тщеславием, честолюбием и жаждой мести»), тщетно попытается «загладить преступление», «нанесенную обиду» и только в виде «своевременного приступа болезни» обретет «лекарство от буйной страсти», «глубокого душевного смятения» [3, с. 345, 356, 366–367]. Излечившись физически, но не нравственно, Перегрин вернется в Лондон с тем, чтобы вновь предаться «прежним своим развлечениям» [3, с. 376].

Любопытно, что категория успеха для протагониста обязательно связана со светским обществом, к которому он по происхождению не принадлежит, но куда ему важно быть принятым. Светским его сделают деньги и «вечная лгунья» – молва, судачащая о нем как о «молодом джентльмене», чье «состояние действительно столь велико», блестящая «экипировка», «светское обхождение» и «веселый образ жизни» Перегрин, ведущего «расточительную жизнь», совершающего приличные траты на развлечения [3, с. 344–345, 368]. Ему также, как и Родрику, хочется легкого пути. Щеголь с манерами аристократа, он думает о женитьбе на «молодой и красивой вдовствующей герцогине», либо о приобретении «выгодного поста» [3, с. 345]. Культивируя в себе образ светского человека, тщеславный и гордый Пикль, ставший имморалистом и авантюристом, не только возобновит «свое ухаживание за ее светлостью», но и не откажет себе в удовольствии узнать тайны «великих мира сего», вместе с другом, мизантропом

Кэдуоледером занявшись «таинственной наукой прорицания» [3, с. 368, 477]. Решив еще больше посмеяться над аристократическим обществом, он возьмет на содержание «молодую нищенку», чтобы превратить ее в «знатную, благвоспитанную леди», ввести «на самые изысканные собрания, где она с большою ловкостью поддерживала свои притязания на благородное происхождение» [3, с. 512, 509, 513].

Из чреды удовольствий и любовных похождений Перегринна складывается целый донжуанский список представительниц слабого пола и высокого («очаровательной Эмилии», фламандской леди Аманды, герцогини), и низкого происхождения (миссис Хорнбек, «французской кокетки»-авантюристки), однако едва ли большая их часть окажется жертвами красивого, обходительного повесы, героя-странника, которому придется самому испытать немало искушений, быть не самым лучшим героем и все же во множестве нелицеприятных превращений суметь сохранить себя [3, с. 309, 261, 178, 251]. В Пикле нет еще той монструозности Фатома, который в силу большего опыта и демонизма будет «коллекционировать» женщин.

Перегрин не часто думает о будущем, он живет «здесь и сейчас», тоже ищет покровителей, его обманывающих, выставляет свою кандидатуру в парламент, оказывается жертвой политических интриг [3, с. 520, 527]. Он, также как и Родрик, недооценивающий глубину и изобретательность зла, ввязывается в авантюру, которая затрагивает его судьбу: меняет финансовое благосостояние героя на «тягостную зависимость от других» [3, с. 545, 626]. Пикль теряет состояние, попадает в тюрьму Флит, находит утешение в литературном творчестве, испытывая тяготы писательской профессии [3, с. 574, 553]. Он отвергает помощь друзей, не хочет никого видеть и только «внезапная перемена», «неожиданная улыбка фортуны», на благосклонность которой он уже не надеется, больше его научит нежели свет: так и не сумев стать антигероем, он перерождается, сердце его «смягчается», протагонист восстанавливает связи с обществом, получает прощение Эмилии, благодаря «счастливому повороту фортуны» наследует состояние отца и возвращается в родительский дом, разрывая с прежней средой, покидая город, так и не давший ему то ощущение автономности и идилличности, которое он найдет в усадебном пространстве [3, с. 636–637, 634, 642, 646]. Разорванный персонаж, в конце романа он приобретает целостность, делая выбор, соединяет свои начала высокого романического имени «Перегрин» и низового «Пикль». Едва ли можно назвать счастливый финал «монотонной и предсказуемой формулой» [13, р. 110], это открытая, неожиданно-сенсационная концовка, где выписан пока лишь поворот в жизни героя, возможность, которая у него есть. И насколько такое событие эпизодическое или финальное – однозначно определить невозможно.

Библиографические ссылки

1. *Абрамова И. И.* Значение «Гранд-тур» в образовании и воспитании джентльмена [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/pedagoga_i_psichology/32_6/.
2. *Макарова Г. И.* Проблема героя в английском просветительском романе и творчество Т. Дж. Смоллета / Г.И. Макарова // Образ героя – образ времени : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1984. – С. 12–20.
3. *Смоллетт Т. Дж.* Приключения Перегринна Пикля / Т. Дж. Смоллетт ; пер. с англ. А. Кривцова, Е. Ланн. – М. : Худож. лит., 1955. – 719 с.
4. *Шейнкер В. Н.* Роман «Приключения Перигрина Пикля» и некоторые художественные особенности сатиры Смоллетта / В.Н. Шейнкер // Ученые записки. – Мурманск : Изд-во Мурманского гос. пед. ин-та, 1958. – Вып. 2, т. 2. – С. 179–202. – (Серия «Историко-филологическая»).

5. *Boege F. W.* Smollett's Reputation as a Novelist / F.W. Boege. – Princeton, N. Y. : Princeton University Press, 1947. – 175 p.
6. *Bouce P.-G.* The Novels of Tobias Smollett / P.-G. Bouce ; translated by A. White. – Lnd, N. Y. : Longman, 1976. – 406 p.
7. *Giddings R.* Tobias George Smollett / R. Giddings. – Lnd. : Greenwich Exchange, 1995. – 76 p.
8. *Giddings R.* The Tradition of Smollett / R. Giddings. – Lnd. : Methuen & Co, Ltd., 1967. – 215 p.
9. *Goldberg M. A.* Smollett and the Scottish School. Studies in eighteenth-century thought / M. A. Goldberg. – Albuquerque : University of New Mexico Press, 1959. – 191 p.
10. *Kelly L.* Tobias Smollett. The Critical Heritage / L. Kelly. – Lnd., N. Y. : Routledge & Kegan Paul, 1987. – 380 p.
11. *Knapp L. M.* Tobias Smollett. Doctor of Men and Manners / L.M. Knapp. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1949. – 362 p.
12. *Kraft E.* 'Peregrine Pickle' and the Present Moment of Consciousness / E. Kraft // Kraft E. Character and Consciousness in Eighteenth-Century Comic Fiction. – Athens, Lnd. : The University of Georgia Press, 1992. – P. 119–136.
13. *Probyn Cl. T.* English Fiction of the Eighteenth Century 1700–1789 / Cl.T. Probyn. – Lnd, N. Y. : Longman, 1987. – 244 p.
14. *Smollett T. G.* The Adventures of Peregrine Pickle / T.G. Smollett // The Works of Tobias Smollett / [edited by D. Herbert]. – Lnd. and Edinburg, 1878. – P. 197–466.
15. *Spector R. D.* Tobias George Smollett / R.D. Spector. – N. Y. : Long Island University, Twayne Publishers, Inc., 1968. – 175 p.

Надійшла до редакції 16.03.2015 р.

УДК 821.133.1 «18»

Т. Н. Потницева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

“RAPPELZ-VOUS L’OBJET QUE NOUS VIMES...”

СИМВОЛИКА ОБРАЗА ЛОШАДИ В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Проаналізовано образ-символ коня – одного з «багатозначних», за термінологією Г. К. Косикова, у літературі XIX ст. Зроблено спробу розкрити у цьому образі типологічність та індивідуальність ейдетичних значень.

«Кінська тема» домінує й стає наскрізною у багатьох славетних творах другої половини XIX століття. Серед них – «Мадам Боварі» Флобера, «Злочин і покарання» Достоевського, «Анна Кареніна» Толстого, «Тесс з роду Д'Ербервіллей» Т. Харді та інші, які розвивають цю тему до її кульмінації у «Домі, де розбиваються серця» Б. Шоу.

Тема смерті загнаного коня асоціюється у багатьох названих творах з ідеєю неминучого краху ілюзій і з образом «нової жінки», яка намагається втілити ці ілюзії у реальному житті.

Стійка асоціація між деградуючою, занепаючою жінкою та загнаним конем була намічена Ш. Бодлером, який у цьому образі побачив символ характерного для часу відчуття незбігу «безмірності мрії та граничності морів».

Твори, які пропонувано для аналізу, втілюють різні варіанти символізації образу коня.

Ключові слова: кінь, символ, натуралізм, тлінна краса, нова жінка.

Проанализирован образ-символ лошади – один из «многозначительных», по терминологии Г. К. Косикова, в литературе XIX века. Сделана попытка раскрыть в этом образе типологичность и индивидуальность эйдетических смыслов.

© Т. Н. Потницева, 2015